

Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции¹

The Features of Boris and Gleb Festivals in the Light of Byzantine Tradition

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Факультет истории, Кафедра социальной истории,
Лаборатория медиевистических исследований

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University
"Higher School of Economics",
Faculty of History, Department
of Social History, Laboratory for
Medieval Studies

Резюме

Статья посвящена проблемам литургической структуры празднеств перенесения мощей святых Бориса и Глеба в XI–XII вв. Все четыре праздника имели разную структуру: однодневную или двухдневную, с освящением храма или без. В двух случаях из трех (при Ярославе Мудром и в 1115 г.) освящение вышгородского храма производилось именно мощами святых князей. Выбор структуры чина зависел, очевидно, от совершавшего его грека-митрополита. Особенно ясно это на примере третьего перенесения мощей (1072 г.), когда сомневавшийся в святости князей митрополит освятил церковь другими мощами, а их мощи перенес уже в освященную церковь.

Ключевые слова

литургия, Борис и Глеб, Киевская Русь, перенесение мощей, освящение храма, агиография, летописи

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0119, реализованного в рамках Программы "Научный фонд НИУ ВШЭ" в 2012–2013 гг.

Abstract

The present paper analyses the liturgical structure of the translation of SS. Boris and Gleb's relics in 11th–12th centuries. All four feasts had a different structure: a one-day or two-day feast, with or without the consecration of the church. In two of three cases (under Yaroslav the Wise and in 1115), the consecration of the church in Vyshgorod was done next to the very relics of the holy princes themselves. The choice of the feast's structure depended on the Greek metropolitan. This is particularly clear in the case of the third translation (1072), when the metropolitan, doubtful of the princes' holiness, consecrated the church using other relics, and then transferred the relics of the princes into the already-consecrated church.

Keywords

liturgical studies, Boris and Gleb, Old Rus, transfer of relics, consecration of church, hagiography, chronicles

Излишне напоминать о том, сколь важное значение имели для Древней Руси вышгородские торжества сер. XI – нач. XII в., связанные с мощами свв. Бориса и Глеба. Первое и особенно второе перенесения мощей, состоявшиеся при великом князе Ярославе Владимировиче и митрополите Иоанне, в пер. пол. 1040-х гг. [Назаренко 2003], и изложенные в “Чтении о Борисе и Глебе” Нестора (далее ЧН²) и “Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе” (далее СБГ³), были, по сути своей, первой канонизацией русских святых – к тому же, братьев верховного правителя Руси и устроителя торжеств. Третье и четвертое празднества, 1072 г. и 1115 г., описанные в тех же источниках (последнее – только в СБГ) и в русских летописях, служили демонстрацией (пусть и непрочной) единства русских князей и одновременно их состязанием в борьбе за символическое первенство [Соловьев 2002].

Однако сам церемониал трех этих торжеств, также несущий в себе немалую идейную нагрузку (см. ниже), изучен и понят, как кажется, еще не полностью. Речь идет, прежде всего, о структуре борисоглебских празднеств и их смысле⁴. Дело в том, что ни в Византии, ни в Древней Руси не было общепринятого чина перенесения мощей⁵. Однако поскольку их переносили чаще всего в связи с освящением нового храма, то переносимые мощи чаще всего и использовались для его освящения⁶ [Желтов 2000].

² Цит. ниже по [Жития: 1–26]; о тексте см. [Бугославский 1928: XV–XVII].

³ Цит. ниже по [Жития: 27–66]; о тексте см. [Дмитриев 1987: 398–408].

⁴ В частности, эти вопросы не затрагиваются в последних исследованиях, посвященных борисоглебской традиции [Успенский 2000; Соллестанеа 2009].

⁵ Возможно, для перенесения мощей вне освящения храма предназначены две молитвы, имеющие, в любом случае, периферийный характер [Желтов 2005].

⁶ О последнем см. [Вотте, Бракманн 2004].

В самых ранних византийских евхологиях (кон. VIII – X вв.) освящение храма состоит из двух чинов: собственно освящения храма и его престола, которое заключалось в омовении, помазании и облачении последнего, и “обновления”⁷, т. е. торжественной процессии с мощами, начинающейся в другом храме и заканчивающейся в освящаемой церкви [RUGGIERI 1988]. Относительно происхождений двух этих чинов существуют разные точки зрения: они либо сосуществовали с ранневизантийского времени в рамках одной традиции [Пермяков 2009], либо представляют собой разные по месту возникновения последования: сходное с чином Крещения освящение престола имеет сирийские корни, в то время как чин обновления хорошо засвидетельствован в ранневизантийском Константинополе. Согласно второй точке зрения (как кажется, более обоснованной)⁸, первый чин проникает в Константинополь вместе с другими восточными богослужебными новшествами в VII–VIII вв., когда он начинает там бытовать параллельно со старым местным чином обновления, — именно поэтому 7 правило VII Вселенского Собора (787 г.) предписывает переосвятить “мощами”, т. е. посредством чина обновления, все иначе освященные храмы. Как бы то ни было, в послеиконоборческую эпоху два чина начинают совершаться последовательно друг за другом, сохраняя при этом на первом этапе свою самостоятельность.

Несмотря на указание ранних евхологиев на совершение чина энкени “в тот же день, в который освящается молитвенный дом” [Пермяков 2009: 348], проведение обоих чинов занимало два световых дня (но один литургический, начинавшийся на закате): второй чин — обновления, должен был начинаться вечером того дня, когда совершался первый чин — освящения храма и престола, и когда мощи для чина обновления поставлялись в другом храме — “наутро” (ἔωθεν), т. е. на рассвете следующего дня, возглавляющий торжества архиерей начинал процессию с ними в освящаемую церковь. Такое торжественное двухдневное чинопоследование освящения церкви, однако, вскоре упрощается, и два составляющие его чина сливаются в один, как видно уже из евхологиев нач. XI в. [Пермяков 2009: 351]

Как вписываются в эту картину перенесения мощей свв. Бориса и Глеба? Каждое из четырех вышеупомянутых празднеств имеет свою собственную структуру. Сравним сперва описания порядка их совершения.

⁷ Слово “обновление” имеет также другое значение — ежегодная память освящения храма.

⁸ Работа по данной теме готовится к печати свящ. Михаилом Желтовым.

Первое перенесение приведено в ЧН и СБГ, дающих практически аналогичное описание⁹.

ЧН [Жития: 17]	СБГ [Жития: 53–54]
<p>Иже, слышавъ, повѣлѣ призвати архиепископа Иоана, тогда пасуще Христово стадо разумныхъ овецъ Его <...> Слышавъ же то преподобный архиепископъ отъ христоролюбца, и ужасенъ бысть, и воскорѣ събратися повелѣ vsуму <так!> крилосу церковному. И въ утри день съ кресты изидоша поюща въ преже реченый градъ, идѣже лежитъ тѣло святоу страстотерпцю Христову Бориса и Глѣба.</p>	<p>И призывавъ митрополита Иоана, съказааше ему все о святоу мученику, брату своею. И бысть преужаснь и въ усъмнении, таче и въ дързновени и въ радости и къ Богу. И ошдѣ отъ князя, събравъ клиросъ и все поповъство, и повелѣ поити съ кресты Вышегороду. И придоша до мѣста, идеже лежаста святая. Бяше же съ ними и князь Ярославъ. И поставили же бяху ту кѣлѣтку малу на томъ мѣстѣ, идеже бяше церквы съгорѣла. Архиепископъ же пришедъ съ кресты и сътвори въ тои кѣлѣтцѣ всенощное пѣние. О изнесени святоу. Наставъшю же дњи, иде архиепископъ Иоанъ съ кресты, идеже лежаста святоу телеси пречьстнѣи, и сътворивъ молитву, повелѣ откопати пьрьсть, сущюю надъ грѣбѣмъ святоу <...></p>
<p>Таче же ископавъше, изнесоша ковьцега отъ ядръ земельныхъ и поставиша я на земли <...> Потом же, рацѣ взявше святоу, внесоша же въ преже реченую кѣлѣтку ти ту поставиша на деснѣи странѣ. Сътворивше же святоу службу, ти тако отъидоша, славяще Бога.</p>	<p>...отъкопавъше, изнесоша я отъ землѣ. И приступивъ, митрополитъ Иоанъ съ презвутеры, съ страхъмъ и любвьию, отъкры гроба святоу <...> И внѣсьше въ ту храмину, яже бяше поставлена на мѣстѣ погорѣвшия църкѣве, и поставиша я надъ землею, на деснѣи странѣ.</p>

⁹ В нашу задачу не входит подробный анализ генетической связи между текстами, содержащими описание Борисоглебских торжеств: как мы увидим ниже, их сведения дополняют друг друга, а расхождения между ними не мешают реконструировать порядок празднеств. По поводу первого освящения заметим лишь, что ЧН, содержащее не зависимое от СБГ описание, видимо, опиралось на какой-то более ранний источник: в частности, ЧН обозначает “кѣлѣтку” как “преже реченую”, хотя выше о ней ничего не говорилось — между тем, о ее строительстве говорится выше в “Сказании”, восходящем, видимо, к тому же раннему источнику.

Первое торжество уже по своей структуре предполагало лишь перенесение мощей, без освящения церкви: на месте сгоревшего деревянно-го храма Св. Василия была построена не новая церковь, а простая клеть, куда затем перенесли мощи. Впрочем, ЧН и СБГ несколько расходятся в описании порядка праздника: согласно первому, архиепископ с процессией выступил в Вышгород с утра, открыл и перенес мощи и совершил “святую службу”; согласно второму, архиепископ совершает после установки клетки всенощное бдение, т. е. начинает службу вечером, а на следующий день открывает и переносит мощи. Последнее описание выглядит правдоподобней, так как добраться до Вышгорода из Киева, открыть мощи для поклонения, перенести их и совершить службу за один день довольно затруднительно (кроме того, под “святой службой” обычно понимается литургия, которую вряд ли служили вечером). Однако указание ЧН на совершение литургии не выглядит невозможным: она могла служить на переносном антиминос — в таком случае упоминание о ней в общем источнике было опущено в конце описания СБГ. Таким образом, первые борисоглебские торжества представляли собой чинопоследование, состоящее из всенощной, открытия и перенесения мощей и, вероятно, литургии. Формально оно заняло два дня, однако с точки зрения церковного календаря, это были одни богослужбные сутки, начинающиеся с закатом солнца. Типологически внесение мощей в новопостроенное здание похоже на “обновление”, однако здесь отсутствует момент собственно освящения храма¹⁰.

Лишь через некоторое время князь Ярослав приступил к строительству нового, также деревянного, храма:

ЧН [Жития: 18–19]	СБГ [Жития: 55]
Таче потомъ христолюбець моли я, рече архиепискупа, да шедъ освятить церковь и святую службу створить в ней.	
Он же, ту абие поимъ попове и дьяконы и всь причеть церковный, иде въ преже реченый градъ, купно съ христолюбивымъ Ярославомъ и	И шьдъше съ хрьсты Иоанъ митрополить, и князь Ярославъ, и вьсе поповьство, и людие, и пренесоша святая, и църковь

¹⁰ В качестве типологических параллелей такому двухдневному чинопоследованию, состоящему из обретення и перенесения мощей без освящения храма, можно указать для Руси на перенесение мощей прп. Феодосия Печерского [ПВЛ, под 6599 г.], а для Византии — на перенесение мощей свт. Климента Римского в Херсоне в 861 г. [Лавров 1930: 148–153], которые, впрочем, прямо не повлияли на чинопоследования перенесений мощей свв. Бориса и Глеба в XI–XII вв.

ЧН [Жития: 18–19]	СБГ [Жития: 55]
<p>съ велможами. Пришедшимъ же имъ въ градъ, и сътвори архиепископъ обычное храму обновление, рекше священіе. Рацѣ же святою постави въ церькви на деснѣи странѣ, мѣсяца июля въ 24 день, въ нъже блаженный Борисъ убиенъ бысть.</p>	<p>святиша, и уставиша праздникъ праздьновати мѣсяца иулиа въ 24: вьнъже днь убиенъ преблаженный Борисъ, въ тъ же днь и църкы священна, и пренесена быста святая.</p>
<p>Устависта же христоролюбивый Ярославъ и преподобный митрополитъ Іоанъ въ день на всяко лѣто праздникъ творити има, яко же и нынѣ свершается. Таче потомъ, яко сконча святою литургию, поятъ и благовѣрный князь Ярославъ на обѣдѣ со всѣми обрѣтшимися ту <...> И еще бо имъ всѣмъ сущимъ на святѣи литургии <...> Створи же христоролюбець пиръ великъ, праздникъ святою, не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ, паче же нищимъ и всѣмъ вдовицамъ и всѣмъ убогимъ, повелѣ же и отъ имѣнія своего даяти имъ. Створи же тако, празднующе до осмага дъне. Таче потомъ христоролюбець, шедъ въ столный градъ, повелѣ властелину града того даяти отъ дани церькви святою десятую часть. Архиепископъ же оставъ постави попы и дьяконы, и повелѣ имъ пѣти въ церькви святою вечернюю и заутренюю, и святою литургию по вся дни служити. И постави имъ старѣйшину, ти тако отъиде въ свою кафоликани иклициа.</p>	

Второе торжество при Ярославе проходило также в один день: освящение храма и помещение в нем мощей произошло 24 июля, что подчеркнуто в СБГ: “въ тъ же днь и църкы священна, и пренесена бы-

ста святая”. Это действие завершается литургией и следующим за ним восьмидневным празднеством, которое представляло собой, очевидно, длительное пиршество (см. ниже). Следует обратить внимание на слова ЧН: “обновление, рекше священство” — автор поясняет читателям, что речь идет не о возобновлении храма, а о его освящении. Однако выше мы видели, что “обновление” — это та часть освящения храма, в которой в него переносятся мощи. СБГ описывает порядок торжества так: “и пренесоша святая, и църковь светиша” — следовательно, мощи, которыми была “обновлена” церковь, — это мощи Бориса и Глеба, а использование останков умершего для освящения церкви равнозначно признанию его святости. Канонизация Бориса и Глеба подчеркивается и установлением их памяти под 24 июля: включение святого в местный календарь было основной формой признания святости. Здесь “канонизационный” аспект подчеркивается также тем, что перенесение мощей и установление памяти святых было специально приурочено ко дню убийства Бориса. Более того, можно говорить даже о целенаправленном создании борисоглебского культа: Ярослав ставит в храме поклонный образ своих святых братьев, а архиепископ, действуя отчасти как ктитор (он и уезжает из Вышгорода позже князя), устанавливает в новоосвященной церкви цикл ежедневных богослужений, связанных с почитанием святых князей.

Однако сомнения в святости Бориса и Глеба появились у нового греческого митрополита, Георгия, при перенесении их мощей в 1072 г., описание которого мы знаем в двух версиях: ЧН и СБГ–ПВЛ¹¹.

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
Слышавъ же то, боголюбецъ Изяславъ, яко всяко бысть доспѣна церькы, моли архиепископа Георгия, да шедъ принесеть мощи святую въ церковь, юже възгради. Архиепископъ же събра всь причеть церьковный, и тако изидоша съ кресты въ		

¹¹ Версии краткого и пространного Пролога [Лосева 2009: 355–360] зависят от ПВЛ и СБГ [там же: 211–213] и не содержат дополнительной информации по интересующему нас сюжету; две другие редакции Пролога [там же: 398–400] дают очень краткий текст, также без дополнительных подробностей.

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
<p>преже реченый градъ, идеже бѣ тѣло святою. Иже и пришедъша, створиша обычное обновление церкви новѣи, и святою же литургию въ неи скончаша.</p>		
<p>И въ другой же день сѣбра митрополитъ вся епископы и вся церковники, идеже бѣста рацѣ святою, хотя пренесение сѣтвори <...> Митрополитъ же бѣ невѣрствуя, яко свята блаженая. Приступивше же, открыша рацѣ святою ти видѣша цѣла лежаща, церкы же исполнися благыя воня.</p>	<p>И съвкупивъшеся <...> и створиша праздникъ свѣтло. И възъмше на рама князи, предъидущемъ преподѣбнымъ чѣрноризцемъ съ свѣщами, а по нихъ диякони, таче и прозвутери, и по сихъ митрополита и епискупи, и по нихъ съ ракою идяху. И принесше въ цѣрковь, поставиша, и отвѣръзше раку, и испълнися цѣркы благоуханя и вонѣ пречюдны, и вси видѣвше прославиша Бога. И митрополита обиде ужась, бяше бо и не твърдо вѣруя къ святыма, и падъ ниць, просяше прощения.</p>	<p>Пренесоша свята страстотерпца Бориса и Глѣба. Совокупившеся <...> створше праздникъ, праздноваша свѣтло, и преложиша ѿ в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. И възъмше первое Бориса в древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, възъмше на рама своя понесоша, предъидущемъ чѣрноризцемъ, свѣща держаше в рукахъ, и по нихъ дьякони с кадилы, и посемъ презвитери, и по нихъ епископи с митрополитомъ; по сихъ с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужась обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья.</p>

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
То видѣвъ, митрополитъ ужасеся въ умѣ и, обратився на вѣстокъ, въздвигъ руцѣ на небо, възопи <...>		
	И цѣловавъ мощи, вложиша въ раку камяну. По семь, възъмше Глѣба въ рацѣ камянѣ, вѣставивъше на сани, и имъше ужи, повезоша. И яко быша въ двѣрхъ, рака ста не поступячи, и повелѣша народу зъвати: “Господи, помилуй”! И моляхуся Господеви и святыима, и абие повезоша и.	Цѣловавше мощи его, вложиша ѿ в раку камяну. Посем же въземше Глѣба в рацѣ камяни, вѣставиша на сани, и емше за ужа везоша ѿ. Яко быша въ двѣрехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: “Господи помилуй”, и повезоша ѿ.
Таче потомъ, приступивъ, изя руку блаженнаго Бориса, бѣ бо мощими лежай, и цѣловаше, прикладая къ очима и къ сердцю. Таче потомъ благослови ею благовѣрнаго князя Изяслава, потомъ же брата его Святослава <...> потом же пакы боголюбець Всеволода, — тако и вся; потом же вся люди. Ти тако положи ю на своемъ мѣстѣ.	И цѣловаша святааго Бориса главу, а святааго Глѣба руку. Возъмъ же, Георгий митрополитъ благословяше князѣ Изяслава и Всеволода. И пакы Святославъ, имъ руку митрополичю и дрѣжацю святааго руку, прилагааше къ вреду, имъже боляше на шии, и къ очима, и къ темени, и по семь положи руку въ гробѣ.	
Таче потомъ, въземше рацѣ, несоша въ новую церковь ти ту поставиша на деснѣи странѣ.		И положиша ѿ, мѣсяца мая 2 день [2 — Лавр и НПЛ ; 20 — Ип].

ЧН [Жития: 21–22]	СБГ [Жития: 55–56]	ПВЛ [ПВЛ: 78]
	Начаша же пѣти святую литургию <...>	
Въ лѣто 6580, месяца мая въ 20. Створиша же праздникъ великъ въ тѣ день, таче разидошася въ своя домы, славяще бога.	И по литургии всья братия и обѣдаша вси на купь, и праздноваша празднѣство свѣтло, и много милостыня убогымъ створиша, и цѣловавъшеся, мирно разидошася кѣждо въ своя си. И оттолѣ утвърдися таковый праздникъ мѣсяца мая въ 20, въ славу и чѣсть святыима мученикома <...>	И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа вышегородъ чюдинѣ, а церковь лазорь. Посем разидошася всвоеси.

В 1072 г. основное действо происходило в два дня: в субботу освящается храм, а в воскресенье переносятся сами мощи. В ЧН снова использовано слово “обновление”, т.е. вторая, заключительная часть чина, а кроме того, упомянутое после него совершение литургии (как и во второй день) было бы невозможно в не освященном до конца храме, что указывает на то, что храм был полностью освящен в первый день торжеств. Такой порядок описан в ЧН; СБГ и ПВЛ, восходящие к общему источнику и содержащие дополнительную информацию, совпадающую с ЧН, опускают описание освящения, описывая только перенесение мощей. В них при этом сообщается, что литургия служилась и на второй день, после перенесения мощей.

Важно также отметить, что в 1072 г. устанавливается новая борисоглебская память — 20 мая, о чем прямо говорит СБГ. Однако СБГ не поясняет точно, что именно в ней воспоиналось: освящение вышгородской церкви или перенесение мощей — эти события в данном контексте неравнозначны, так как совершались в два разных дня. На помощь нам приходит ПВЛ, которая поясняет, что 20 мая имело место именно перенесение мощей (2 мая в Лавр и НПЛ — очевидно, описка, совершенная, возможно — но не обязательно — под влиянием перенесения 2 мая в 1115 г. [Ужанков 2000: 36]). Таким образом, новый борисоглебский праздник был посвящен не обновлению вышгородской церкви (которое было 19 мая), а именно перенесению мощей.

Рассмотрим, наконец, четвертое перенесение мощей, совершившееся в 1115 г. и описанное по-разному в СБГ и в летописях: Ипатьевской (далее – Ип), Лаврентьевской (далее – Лавр) и Новгородской первой (далее – НПЛ).

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	Съвъкупишася братья, русци князи, Володимеръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожъ, и Давидъ Свято- славлицъ, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь телесема еѹ и на положение.		Съвъкупишася братья Выше- городѣ: Воло- димеръ, Ольгъ, Давыдъ, и вся Русьская земля,
И во 1-й днь мѣсяца мая святиша цър- ковь, въ субботу 2 недѣлѣ по Пасцѣ.	Первое же освятиша церковь камяную, мая въ 1 день, в суботу;	Сѣена бѣ ^ѿ църкы каменаѣ Въшегородѣ. Мѣца. маѣ. въ ѿ. днѣ. в днѣ суботнѣи.	и освятиша церковь камяну мая въ 1,
На утрия же, въ святую неделю, яже поуться о муроносицахъ, въ вѣторый днь того же мѣсяца,	наутрия же въ 2 день перенесоша святая.	а въ ѿ.и днѣ пренесоша брѣѣ вса стѹю мчѣнку Бориса и Глѣба. в днѣ нѣлнѣи <...>	а въ 2 перенесоша Бориса и Глѣба, индикта въ 8.
	И бысть сборъ ве- ликъ, шедшюся на- роду съ всихъ странъ <...> И освятиша церковь каменю. И отпѣвшимъ имъ		

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	обѣднюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учреждение велико, и накормиша убогыя и странъныя по 3 дъни.		
и начаша пѣти утрънюю въ обоу църковию. И въставивъше на сани на росны, яже бѣша на то устроены, повезоша же преже Бориса. И съ нимъ идяше Володимиръ съ многъмъ говениемъ, и съ нимъ митрополитъ, и поповство съ свѣщцами и кандилы <...> Такоже и святаго Глѣба по немъ въставивъше на другыя сани <...> И тако одѣва възмогаша отъ утръня до литургия превести сущии църкви.	И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболочошася у святительскыя ризы и свѣща възжегъ с кадѣлы благовонными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ѳ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, чернцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, та же игумени, та же епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ <...> быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба. Тѣм же образомъ и сего привезоша, и поставиша у брата.	бѣша легко дошли църкве. а въ .д.и днѣ поставиша ѳ в рацѣ на мѣсту.	
	Распри же бывши межи Володимеромъ и Давыдомъ, и Ольгомъ, — Володимеру		

СБГ [Жития: 65–66]	Ип [ПВЛ: 127–128]	Лавр [ПСРЛ I: 290]	НПЛ [НПЛ: 20]
	<p>бо хотящю я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я в комару, “иде же отецъ мои назнаменалъ”, на правой сторонѣ, иде же бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: “Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ”, и вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой трапезѣ; и вынся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша я в комару тою, на деснѣй странѣ, кде ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика, маия въ второй день, из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ <...> Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася кождо въ свояси.</p>		

Наибольшую проблему в данном случае представляет собой соотношение сведений СБГ и списков ПВЛ, прежде всего Ип. Последняя, вопреки всем остальным источникам, описывает перенесение не на второй день торжеств, 2 мая, а через три дня после него. Однако в этом Ип начинает противоречить сама себе: как выше, так и ниже она же сообщает о том, что перенесение мощей состоялось 2 мая (“наутрия же въ 2 день перенесоша святая”; “принесена же бысть святая мученика маяя въ вторый день”). Кроме того, в результате этого смещения перенесения мощей оказывается, что и 1, и 2 мая собравшиеся освящали церковь (“первое же освятиша църковь камяную, мая въ 1 день”; “освятиша церковь каменую”), а также удваивается сообщение о “трех днях”: три дня после освящения и три дня пира (подлинность четырехдневного (в сумме) празднества подтверждает Лаврентьевская летопись). По всей видимости, редактор Ип ошибочно переместил сообщение о трех днях после перенесения и о пире у Олега из конца рассказа, где он выглядит логично, так как его дает победивший в споре с Владимиром Олег.

Итак, торжества 1115 г. оказываются схожи по своей структуре с празднествами 1072 г.: все чинопоследования — освящение храма и перенесение мощей, совершались в два дня, причем также — в субботу и воскресенье. Разница здесь заключается в том, что в 1115 г. в первый день собравшиеся “святиша церковь”, но первая литургия (“обедня” в Ип) в ней совершается только на второй день, после перенесения мощей свв. Бориса и Глеба, что соответствует древней послеликоноборческой практике (см. выше). Таким образом, обновление вышгородской церкви в 1115 г. так же, как и при Ярославе, совершалось посредством принесения туда мощей храмовых святых.

Подведем промежуточный итог. Все рассмотренные нами борисоглебские торжества отличаются по своей структуре: первое было однодневным (с точки зрения церковного времяисчисления, формально же — двухдневным) и не содержало в себе освящения храма; второе было также однодневным, но включало в себя освящение церкви мощами свв. Бориса и Глеба; третье длилось два дня, причем в первый день было совершено полное освящение храма, а во второй — перенесение мощей святых князей; наконец, четвертое было также двухдневным, но здесь освящение было завершено лишь на второй день, после перенесения мощей храмовых святых. В контексте византийского чина освящения храма второй случай соответствует объединенному в один день чинопоследованию “освящения” и “обновления”, в то время как четвертый — древнему, отдельному варианту, который мог быть выбран для большей торжественности церемонии. Выбор того или иного

варианта был связан, вероятно, с личностью грека-митрополита, которому та или иная форма освящения была более привычна.

Из этого ряда выбиваются, однако, празднества 1072 г. (первые торжества не содержат освящения храма и в данном случае не релевантны). Что же помешало устроителям торжеств 1072 г. совершить обычное чинопоследование двухдневного освящения? Можно было бы, конечно, предположить, что проводившие их иерархи были знакомы только с новой практикой однодневного освящения, однако этому противоречит двухдневная структура всего празднества с традиционным перенесением мощей во второй день.

Ответ на этот вопрос кроется, как кажется, в неоднократно обсуждавшемся сомнении митрополита Георгия относительно святости мощей страстотерпцев¹², которые предстояло перенести в новый храм. Не касаясь сложного вопроса о причинах этого сомнения, отметим, что оно имеет решающее значение для понимания последовательности церемонии торжеств в 1072 г.: хотя митрополит по просьбе князя и вынужден был отправиться в Вышгород вначале для закладки храма в честь святых князей, а затем — для его освящения и перенесения мощей, однако совершать обновление новой церкви сомнительными для него останками он, очевидно, не хотел и потому совершил все освящение храма в один день (по подобию празднества при Ярославе), отложив перенесение мощей Бориса и Глеба на второй день.

Более низкий уровень торжеств 1072 г. подчеркивает и лишь однодневное пиршество после перенесения мощей (“створиша же праздникъ великъ въ тѣ день, таче разидошася въ своя дома, славяще Бога”). Напротив, бoльшая торжественность борисоглебских празднеств в 1115 г. подчеркивается как более пышным и раздельным перенесением мощей святых братьев, так и трехдневным пиршеством по его окончании (“Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася каждо въ свояси”). Правда, торжественные пиршества после освящения вышгородского храма при Ярославе были вообще восьмидневными, что прямо отсылает к традиции подобных же пиршеств при его отце (после освящения храма в Василёве (см. [ПВЛ, под 6504 г.]).

Итак, на основании сравнения трех борисоглебских празднеств мы видим, как уровень их торжественности, отражающий отчасти их идейную нагрузку, может отражаться в чинопоследовании празднества и

¹² См. [Соловьев 2002: 24]. Предположение самого Соловьева, что митрополит сомневался только в святости Бориса, но не Глеба, следует отвергнуть, так как праздник на память смерти Бориса, установленный еще при Ярославе (см. выше), указывает на их равночестность, а кроме того, в ПВЛ прямо говорится, что митрополит не был тверд верой “к нима”, т. е. по отношению к обоим братьям.

какой сложной может быть эта логика. Более того, именно реконструкция их чинопоследований является важнейшим аргументом в долгом споре о времени канонизации братьев.

И А. Н. Ужанков, давший последний обзор всех рассмотренных событий [Ужанков 2000], и его предшественники (А. Поппэ, Л. Мюллер и др.) исходили из не совсем верного представления о канонизации в домонгольской Руси: она представлялась им процедурой, подобной позднейшей католической канонизации и сопровождавшейся обязательным подтверждением чудес и написанием службы и жития. Однако очевидно, что в домонгольской Руси причисление к лику святых происходило в рамках византийской, а не западноевропейской практики. В Византии же никакой “уставной” канонизации не существовало: причисление к лику святых начиналось с локального почитания, установления праздника в честь святого, а также почитания и использования его останков как святых мощей. В случае распространения культа святого его память вносилась в календарь литургических книг Константинопольской Церкви, получая тем самым общецерковное и общеимперское признание. Остальные элементы: чудеса, составление жития и службы, были желательны, но не обязательны.

В качестве близкой аналогии случаю со свв. Борисом и Глебом можно указать на одну “канонизацию” византийским императором своего ближайшего родственника. После смерти своей первой супруги, набожной Феофано, в 893 г. император Лев VI построил храм в ее честь, где и положил ее останки. Позднейшие источники приводят легендарную историю о том, что под давлением Церкви император был вынужден переименовать этот храм в честь Всех святых (подразумевая, что если Феофано свята, то она среди них), однако и ранние свидетельства (“Хроника” Симеона Логофета), и документальные тексты сер. X в. не сомневаются в наличии храма (*εὐκτήριον*) в честь святой Феофано [Downey 1956]. Легенда о несогласии с таким посвящением отражает, вероятно, естественные сомнения в правомочности посвящения храма только что умершей женщине и освящения церкви ее останками, что находит себе параллель в вышеописанном сомнении митрополита Георгия в 1072 г. Праздник в память о св. Феофано также установился к нач. X в. Это показывают списки “Синаксаря Константинопольской Церкви”.

Таким образом, в процессе “канонизации” наиболее важную роль играли два элемента: установление дня памяти святого и почитание его останков как мощей. И если в случае первого перенесения останков князей-страстотерпцев в действия его участников не прослеживается ясного отношения к ним как к святым мощам, а день этого события не становится регулярным праздником, то уже во втором перенесении

мощей свв. Бориса и Глеба, происшедшем также при Ярославе Мудром, оба элемента ясно выражены: и ЧН, и СБГ указывают как на освящение церкви после внесения туда мощей, т. е., очевидно, их посредством, так и на установление праздника. Более того, второе перенесение мощей святых братьев было специально приурочено Ярославом ко дню смерти св. Бориса. Впрочем, явное признание святости свв. Бориса и Глеба при втором перенесении их мощей не означает, что при первом перенесении к ним не относились как к святым: оно было лишь промежуточным звеном перед освящением новой церкви вместо недавно сгоревшей и потому не было, кстати, столь торжественным. Итак, установление двойного праздника под 24 июля (убиения Бориса и перенесения мощей братьев) и освящение храма мощами свв. Бориса и Глеба при освящении нового храма было, очевидно, частью плана Ярослава Мудрого по созданию культа своих братьев-страстотерпцев, который бы одновременно представил в лучшем свете и его самого (как в аналогичной ситуации Льва VI, изменявшего своей святой жене).

Литература

Бугославський 1928

Бугославський С., *Пам'ятки XI–XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба*, Київ, 1928.

ДМИТРИЕВ 1987

ДМИТРИЕВ Л. А., “Сказание о Борисе и Глебе”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в.*, Ленинград, 1987, 398–408.

Желтов 2000

Желтов М. С., “Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века”, в: М. С. Желтов (вступление, перевод и комментарии), *Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира*, Москва, 2000, 111–126.

Желтов 2005

Желтов М., диак., “Две византийские молитвы на перенесение св. мощей”, *Богословские труды*, 40, Москва, 2005, 122–127.

Жития

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, подг. к печ. Д. И. АБРАМОВИЧ, Петроград, 1916.

ЛАВРОВ 1930

ЛАВРОВ П. А. *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*, Ленинград, 1930.

ЛОСЕВА 2009

ЛОСЕВА О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков*, Москва, 2009.

НАЗАРЕНКО 2003

НАЗАРЕНКО А. В., “Борис и Глеб, свв.”, *Православная энциклопедия*, VI, 2003, 44–60.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. и с предисловием А. Н. НАСОНОВА, отв. ред. М. Н. ТИХОМИРОВ, Москва — Ленинград, 1950.

ПВЛ

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. ЛИХАЧЕВА, под ред. В. А. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ, изд. 2-е, испр. и доп., подгот. М. Б. СВЕРДЛОВ, С.-Петербург, 1996.

ПЕРМЯКОВ 2009

ПЕРМЯКОВ В., “Чин освящения храма в восточных традициях”, в: *Православное учение о церковных Таинствах*, III, Москва, 2009, 348–351.

ПСРЛ I

Полное собрание русских летописей, I: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

СОЛОВЬЕВ 2002

СОЛОВЬЕВ К. А., “Культовые святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI — начала XII века”, *Вопросы истории*, 5, 2002, 14–33.

УЖАНКОВ 2000

УЖАНКОВ А. Н., “Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2, 2000, 28–50; 1(3), 37–49.

УСПЕНСКИЙ 2000

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси*, Москва, 2000.

ВОТТЕ, BRAKMANN 2004

ВОТТЕ В., BRAKMANN Н., “Kirchenweihe”, *Reallexikon für Antike und Christentum*, 20, Stuttgart, 2004, 1139–1169.

COLLECTANEA 2009

Collectanea Borisoglebica, Paris, 2009.

DOWNNEY 1956

DOWNNEY G., “The Church of All Saints (Church of St. Theophano) near the Church of the Holy Apostles at Constantinople”, *Dumbarton Oaks Papers*, 9, 1956, 301–305.

RUGGIERI 1988

RUGGIERI V., “Consacrazione e dedicazione di chiesa, secondo il Barberianus graecus 336”, *Orientalia Christiana Periodica*, 54, 1988, 79–118.

Андрей Юрьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”, Факультет истории,
Кафедра социальной истории, доцент;
Лаборатория медиевистических исследований,
старший научный сотрудник
107996 Москва, Петровка, 12
Russia / Россия
auvinogradov@hse.ru